

А. Ю. Бондаренко

Юные герои Отечества

Александр Бондаренко

Юные герои Отечества

Издательство «Кучково поле»

2013

Бондаренко А. Ю.

Юные герои Отечества / А. Ю. Бондаренко — Издательство
«Кучково поле», 2013

ISBN 978-5-9950-0182-9

Эта книга посвящена юным героям нашего Отечества: ребятам и младшего возраста, и уже почти взрослым, 16-летним, жившим в различные исторические эпохи – начиная с X века до наших дней. Среди них – будущие правители земли Русской, юные солдаты и офицеры, а также самые обычные дети различных национальностей. Одни из них стали героями войн, другие совершили подвиги в мирное время – в родном селе, на улице своего города, даже в своем доме. А так как подвиг всегда связан с опасностью, порой со смертельной, то, к сожалению, многие из них навсегда остались юными... Но, как сказано в Священном Писании, «нет больше любви, чем положить жизнь свою за други своя» – то есть нет большей любви к людям, чем отдать за них свою жизнь. Ведь жизнь – это всегда выбор, и каждый человек делает его самостоятельно: как и для чего жить, какой след, какую память оставить о себе на земле. Кто-то из наших героев впоследствии прославился другими делами, достиг немалых жизненных высот, а для кого-то именно детский подвиг стал самым ярким событием всей жизни – быть может, очень даже долгой, ее звездным часом. Рассказывая о юных героях, мы также говорим об истории всей нашей страны, в которую вписаны их подвиги. Историю, как известно, делают своими поступками люди, а потому книга «Юные герои Отечества» адресована каждому, кто интересуется историей нашей страны, кому небезразличны ее настоящее и будущее.

ISBN 978-5-9950-0182-9

© Бондаренко А. Ю., 2013

© Издательство «Кучково поле», 2013

Содержание

Несколько слов к читателям	6
Часть 1	7
«Князь уже начал!»	7
Мальчик с уздечкой	9
Наследник Дмитрия Донского	11
Детство Иоанна Великого	13
Часть 2	15
В боях за Отечество	15
«Кто первым поднимется на вал...»	15
«Молодость не мешает быть храбрым»	17
«Я и мои сыновья покажем вам путь!»	18
Подвиг милосердия	19
Дети осажденного Севастополя	21
Сын комендора	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Юльевич Бондаренко

Юные герои Отечества

Несколько слов к читателям

Эта книга посвящена юным героям нашего Отечества: ребятам и младшего возраста, и уже почти взрослым, 16-летним, жившим в различные исторические эпохи – начиная с X века до наших дней. Среди них – будущие правители земли Русской, юные солдаты и офицеры, а также самые обычные дети различных национальностей. Одни из них стали героями войн, другие совершили подвиги в мирное время – в родном селе, на улице своего города, даже в своем доме. А так как подвиг всегда связан с опасностью, порой со смертельной, то, к сожалению, многие из них навсегда остались юными... Но, как сказано в Священном Писании, «нет больше любви, чем положить жизнь свою за други своя» – то есть нет большей любви к людям, чем отдать за них свою жизнь. Ведь жизнь – это всегда выбор, и каждый человек делает его самостоятельно: как и для чего жить, какой след, какую память оставить о себе на земле.

Кто-то из наших героев впоследствии прославился другими делами, достиг немалых жизненных высот, а для кого-то именно детский подвиг стал самым ярким событием всей жизни – быть может, очень даже долгой, ее звездным часом. Рассказывая о юных героях, мы также говорим об истории всей нашей страны, в которую вписаны их подвиги. Историю, как известно, делают своими поступками люди, а потому книга «Юные герои Отечества» адресована каждому, кто интересуется историей нашей страны, кому небезразличны ее настоящее и будущее.

Часть 1

Русь изначальная

«Князь уже начал!» (Святослав, великий князь Киевский)

Наверное, первым из известных юных героев государства Российского – Древней Руси – следует назвать Святослава, будущего великого князя Киевского, родившегося примерно в 942 году. То есть тысячу семьдесят лет тому назад. Но ведь недаром говорят, что подвигу жить в веках, а слава героев бессмертна. Память о подвигах Святослава, сохранившаяся в летописях и народных преданиях, – лучшее тому подтверждение.

Святослав был сыном великого князя Киевского Игоря и его жены великой княгини Ольги, ставшей первой русской святой. Конец X века... Время это было очень трудное, жестокое – шли бесконечные войны с соседями и кочевыми племенами, в боях и походах расширялись границы Киевского княжества, укреплялась власть великих князей, постепенно выковывалось могущественное централизованное государство. Уже в то время власть Киевского князя простиралась на всю обширную территории Восточно-Европейской равнины – от Старой Ладogi и Нового города на севере до Киева и Родни на юге.

Однако все еще было зыбко и непрочно: когда Святославу исполнилось три года, отец его, великий князь Игорь, был коварно убит древлянами – существовал такой союз восточно-славянских племен, подвластных Киевской Руси. После того как Игоря убили, предводитель древлян князь Мал задумал сосватать княгиню Ольгу, чтобы самому сесть на киевском престоле. Но Ольга, занявшая престол после убиенного мужа и при малолетнем сыне, решила удерживать его за собой и Игоревым родом, что и смогла сделать не столько силой, сколько хитростью.

Первых древлянских послов-сватов она пригласила к себе на пир, славно потчевала, а после застолья распорядилась закопать их живыми в землю. Вторых послов-сватов повели с дороги по русской традиции в баню париться, да там их всех и сожгли, а древлянскую дружину, сопровождавшую послов, княгиня Ольга приказала так хорошо принимать и угощать, что всех их потом перерезали сонных и пьяных... После всего этого великая княгиня Ольга сама повела киевское войско в поход на мятежных древлян, чтобы отомстить за смерть мужа и вновь привести их к покорности.

Притом считалось, что войско в поход ведет великий князь Киевский Святослав Игоревич, которому было тогда всего четыре года, ибо женщинам на войну ходить не полагалось. Ну а если князь ведет войско, то ему следовало и битву начинать. Вот и сидел юный воин на добром коне, облаченный в шлем и кольчугу, с маленьким, но боевым булатным мечом и с красным щитом в руках. Пожалуй, иного мальчика такого возраста, да и постарше, испугали бы огромное количество шумного вооруженного народа, горящие на стоянках костры, вся тревожная обстановка ожидания боя, которую чувствуют не только будущие его участники, но и все, кто оказался поблизости. Однако юный князь не испытывал ни стеснения, ни робости – ему было привычно в этом военном лагере, среди дружинников, которые видели в нем своего вождя и предводителя.

Когда же на бранном поле две рати встали друг против друга, а в воздухе начали посвистывать стрелы, Святослав сидел на коне перед рядами своих воинов и также не выказывал никаких признаков страха. Начиная сражение, он первым бросил во врага свое боевое копье. Пущенное слабой, еще детской рукой тяжелое копье упало тут же, у ног княжеского коня. Но

ритуал был соблюден, ибо так исстари начинали бой русские великие князья. А традиция – дело великое!

– Князь уже начал! – закричали ближние к нему воеводы. – Последуем, дружина, за князем!

Засвистели в воздухе тучи стрел, полетели копья. Воодушевленные храбростью своего юного предводителя, русские воины бросились на противников, смяли их ряды и погнали прочь...

Очень жестоко поступила потом с древлянами княгиня Ольга: подойдя с дружиной, ведомой князем Святославом, к главному древлянскому городу Искоростеню, она потребовала небывалую дань: не серебра и золота, не драгоценных мехов пушных зверей, но по три воробья и три голубя с каждого двора. Смешно стало древлянам, и они, не разгадав хитрости, охотно и быстро представили все требуемое. Ночью в русском лагере никто не спал, потому как все привязывали к птичьим лапкам трупы – разный материал, который не горит, но тлеет, сохраняет тлеющий огонь, – а затем одновременно подожгли их и выпустили. Птицы полетели в город, к своим гнездам и голубятням, которые были в те времена на каждом дворе. А на дворах было сено для корма скотине, и многие крыши были крыты соломой. Малейшей искорки было достаточно попасть на этот сухой материал, чтобы вспыхнуло пламя, и вскоре уже весь Искоростень оказался объят огнем, потушить который было невозможно, так как горело повсюду. За несколько страшных часов город сгорел дотла, в огне небывалого пожара погибли многие его жители. После такой катастрофы древляне покорились Киеву уже навсегда.

Дальнейшее свое воспитание великий князь Святослав получал уже в рядах княжеской дружины. Он вырос умелым и сильным воином, замечательным военачальником, и всю свою недолгую жизнь провел в походах и боях. Святослав укрепил Киевское государство, разгромил Хазарский каганат, воевал на Северном Кавказе и на Балканах, сражался против алчной Византии в союзе с венграми и болгарами... Великому князю не было еще и тридцати лет, когда на Днепровских порогах он попал в засаду кочевников-печенегов и погиб в неравном бою.

Много подвигов совершил Святослав Игоревич, но и за всеми его блестящими победами сохранился в памяти народной тот самый первый славный его поступок – копье, брошенное им, четырехлетним мальчиком, в сражении с древлянами.

Мальчик с уздечкой (Герой, оставшийся безымянным)

Имя этого юного героя, младшего современника и подданного великого князя Киевского Святослава, осталось неизвестным. Однако русская летопись, «Повесть временных лет», составленная на рубеже XI–XII веков легендарным Нестором-летописцем, монахом Киево-Печерского монастыря, сохранила подробное описание его подвига.

Произошло это в 968 году, когда на Русь впервые пришли печенеги – тысячные орды кочевников из Заволжских степей. «Силою великой», как написал летописец, они окружили Киев – город торговый и богатый. Кочевники поставили вокруг городских стен свои кибитки, разбили шатры, запалили костры и, не рискуя идти на штурм, стали ждать, когда жители города сами решат сдаться. Ведь хотя Киев и окружали высокие стены, казавшиеся неприступными, но к длительной осаде он готов не был: жители не имели больших запасов продовольствия и, что важнее всего, воды. Но самое главное, что отважный Святослав Игоревич, великий князь Киевский, вместе со своей дружиной находился далеко от стольного града – в покоренном им городе Переяславце, на Дунае, а потому отразить нашествие степняков было просто некому. В Киеве оставалась одна лишь великая княгиня Ольга со своими внуками, малолетними сыновьями Святослава – Ярополком, Олегом и Владимиром. Хотя на другом берегу Днепра стояла небольшая по численности русская дружина, у нее были ладьи, чтобы переправиться к осажденному городу, но не было уверенности, когда именно следует это сделать и насколько велики силы осаждающих.

Осада длилась недолго. Видя, что никто не спешит им на помощь, а положение в городе с каждым днем становится все хуже, киевляне стали говорить о том, что, мол, незачем им мучиться, раз все равно придется покориться пришельцам и отдать город на разграбление. Да и ясно было, что чем дольше продлится осада – тем злее будут осаждающие.

– Вот если бы кто смог перебраться на тот берег, – рассуждали люди, собравшись на главной городской площади, – да сказал бы нашим воинам, что если они не подступят утром к городу и не спасут нас, то тогда мы откроем крепостные ворота... А если они нам помогут, то мы еще будем держаться!

Все это были прекрасные, но пустые слова: люди любят себя оправдывать. Но для того чтобы выйти к Днепру, нужно было пробраться через несметные полчища врагов, а любого лазутчика из крепости печенеги сразу бы заметили. Да и кому под силу было переплыть на другой берег широкой и могучей реки?

И вдруг перед людьми вышел мальчик, отрок, и громко сказал:

– Я проберусь!

Он был так спокоен и держал себя настолько уверенно, что все взрослые – и старые, и молодые – ему поверили. Или же все согласились с ним только потому, что никакой другой надежды на спасение у киевских жителей просто не было, а человеку всегда хочется надеяться хоть на что-то.

– Иди! – сказали ему без всяких лишних вопросов.

Наверное, мальчик оделся как печенег, а может, вся одежда простого люда была тогда приблизительно одинакова. В известном ему месте незаметно для врагов парнишка выбрался из крепости и быстро, не таясь, побежал по печенежскому лагерю. В руках у него была уздечка, которую он показывал всем и каждому, спрашивая по-печенежски:

– Вы не видели моего коня?

Откуда он знал этот язык, остается только гадать. Зато понятно, что коней в кочевом лагере всегда было гораздо больше, чем людей – каждый всадник имел по одной-две запасные лошади, да тут еще и повозки были, и кибитки, также запряженные лошадьми, а потому чело-

век, разыскивающий своего коня, ни у кого не вызвал никаких подозрений. И так вот, размахивая уздечкой, мальчик прошел через весь лагерь до самого днепровского берега. Там, скинув с себя одежду, он бросился в воду и быстро поплыл.

Пока печенеги сообразили, что произошло, и попытались организовать погоню, юный герой был уже достаточно далеко от берега. По нему стали стрелять из луков, в воздухе запели десятки стрел, но мальчик глубоко нырял, долго оставался под водой, меняя направление своего движения, и выныривал там, где этого лучники никак не ждали, а потому вражеские стрелы не нанесли ему вреда.

На той стороне увидели, какой вдруг переполох возник в печенежском лагере, разглядели плывущего по реке человека и послали ему навстречу ладью. Вскоре уже отрок предстал перед воеводой Претичем, которому передал просьбу киевлян:

– Если вы не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам!

На следующий день, лишь только в синем небе над Днестром стало всходить яркое солнце, русские ладьи двинулись через реку. Дружинники громко трубили, и переправу эту сразу заметили и в печенежском лагере, и в Киеве. Сам печенежский князь вышел на берег, навстречу степенно выходящему из ладьи воеводе, и спросил:

– Кто ты, зачем пришел?

– Я воевода великого князя Святослава, – отвечал Претич, – пришел с его передовым отрядом.

За мной идет войско с самим великим князем, и воинов у него бесчисленное множество!

Печенеги поверили и отступили, хотя и не слишком далеко от Киева, стали ждать появления основных русских сил... Тогда жители города срочно послали к Святославу своих послов, чтобы сказать ему: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, свою же покинул.»

Услышав этот зов, великий князь поспешил привести свою дружину обратно к стольному городу, после чего печенеги бежали прочь.

А что же юный герой, который спас Киев, княгиню Ольгу, великокняжескую семью и, очевидно, все Киевское княжество? Судьба его неизвестна, как неизвестным осталось и его имя. К сожалению, так часто случается в истории, в которой с годами стираются многие замечательные имена и славные деяния. Но люди запомнили его подвиг, и в русских летописях на многие века отважный отрок остался как Мальчик с уздечкой – один из первых юных героев великой Руси.

Наследник Дмитрия Донского (Василий I, великий князь Московский)

8 сентября 1380 года на поле Куликовом, что протянулось между Доном и Непрядвой, произошло крупнейшее сражение своего времени, известное в истории как Куликовская битва, или Мамаево побоище, в котором полки великого князя Московского Дмитрия Ивановича сокрушили орды монголо-татарского военачальника – темника Мамая и его союзников, с чего началось освобождение Руси от владычества иноплеменной Золотой Орды.

Но это было только начало сокрушения монголо-татарского ига – прошло всего лишь два года, и летом 1382 года к Москве подошли войска хана Тохтамыша, нового повелителя Орды. Взяв город штурмом, монголы разграбили и сожгли столицу Великого княжества Московского, угнав «в полон» многие сотни ее жителей. А через год, в апреле 1383 года, в числе пленников-полонян оказался и старший сын великого князя Дмитрия, нареченного после победы на поле Куликовом «Донским».

Конечно, 12-летнего княжича Василия Дмитриевича повезли в Орду не для того, чтобы с выгодой продать где-нибудь на азиатском невольничьем рынке – сыновей правителей завоеванных ими земель золотоордынские властители забирали к себе для того, чтобы тем самым обеспечить покорность их отцов. Это, как считали монголо-татарские ханы, было лучшим средством против смут и мятежей на подвластных им землях.

Пока все было спокойно, юные княжичи очень неплохо жили в татарской неволе – при ханском дворе, ни в чем не испытывая нужды. И все-таки даже большая золоченая клетка всегда останется клеткой, и почетные пленники это чувствовали, тоскуя по своей такой далекой, но незабытой и любимой родине.

Княжичу Василию не было еще и пятнадцати лет, когда он решил бежать: другого способа, как только тайным путем возвратиться в Москву, не было. Ведь если бы хан Тохтамыш узнал о его желаниях и планах, то почетный плен вполне мог смениться тюремным заточением, а то и вообще лютой смертью... Василий готовился к побегу втайне, доверившись в своих планах лишь нескольким из ближайших и самых верных слуг.

Как оно все потом произошло – историкам неизвестно, так что можно только гадать и домысливать. Возможно, юный герой со своими близкими людьми в очередной раз поехал на охоту и не вернулся; возможно, они внезапно скрылись под покровом ночи; а может, отправились сопровождать хана Тохтамыша в одной из его поездок и тайком изменили направление движения, как бы случайно отстав от ханского каравана и заплутав в степи... В летописях подробности этого бегства из плена не сохранились. Известно только, что произошло оно в 1386 году, когда Василию было 14, а может, уже и 15 лет. Как видно, юноша был достаточно умен и имел хороших, опытных советчиков, потому как выбрал для себя не ближайший прямой путь к рубежам Московского княжества, по которому за ним, несомненно, отрядили не одну погоню, а на запад, к Молдавским землям. Сначала его маленькому отряду пришлось бежать по степи, где любой человек виден за многие версты издалека, а потому можно было передвигаться только по ночам, а днем прятаться в оврагах или кустарнике. Из Молдавских земель Василий перебрался в Польшу, оттуда – в Пруссию и, наконец, в Литву.

Об этом путешествии и точном маршруте бегства княжича известно опять-таки очень немного. Но в летописи есть свидетельство о том, что он, как зрелый государственный муж, встретился с великим князем Литовским Витовтом и даже попросил у него руки его дочери Софьи. Предложение было принято, так что из Литвы наследник московского великокняжеского престола возвратился к своему отцу великому князю Дмитрию Донскому уже в сопровождении большой свиты, состоявшей в основном из польской и литовской знати. В Москве его ждала торжественная встреча, которая произошла 19 января 1388 года.

Впоследствии Василий действительно женился на литовской княжне, укрепив тем самым отношения Московского княжества с Литвой – в ту пору своим еще могучим западным соседом...

Немногим более чем через год после возвращения старшего сына великий князь Дмитрий Иванович умер, перед смертью завещав Василию сразу два великих княжества: Московское и Владимирское. На великокняжеском престоле Василий I Дмитриевич сидел до 1425 года – 36 лет, оставшись в исторической памяти нашего народа как собиратель русских земель и их ревностный защитник от посягательств врагов с востока и запада. Уж он-то, познавший горький хлеб неволи, очень не хотел, чтобы его вкушали русские люди!

Детство Иоанна Великого (Иоанн III, государь всея Руси)

Так случалось в истории, что само нелегкое время порой превращало детей в героев уже с самого раннего их детства, еще до того, как они действительно начинали понимать свою великую и ответственную миссию. Речь идет о русских княжичах, наследниках московского престола – будущих великих князьях, будущих государях. Посреди трудностей, смертельных опасностей и подвигов выковывался железный характер тех, кто потом твердо и мудро правил Русской землей.

Именно так сложилась судьба княжича Ивана, старшего сына Великого князя Московского Василия II Васильевича, получившего, о чем мы еще расскажем, прозвище Темный, – внука Василия I Дмитриевича.

Иоанн родился в Москве 22 января 1440-го, а если по принятому тогда летосчислению – 6948 года от Сотворения мира. Время тогда было жуткое и тревожное. Младенец еще лежал в колыбели, окруженный мамками и няньками, а русские княжества и князья вели междоусобную братоубийственную борьбу – за земли, за власть. Золотая Орда уже разваливалась, но ее отряды все-таки продолжали набеги на Русь, грабили российские окраины. А тут еще и неурожай случался, отчего люди в деревнях и городах российских голодали, и болезни, от которых ежегодно умирали многие тысячи крестьян и горожан, накатывались. Но все эти беды стороной обходили наследника великокняжеского престола – да недолго это было, до тех пор пока юному княжичу не исполнилось пять лет...

7 июля 1445 года под стенами Спасо-Евфимиева монастыря, близ города Суздаля, полки великого князя Московского были разбиты монголо-татарами, и сам Василий II оказался в плену. А в тот день, когда пришло в Москву это известие, в столице великого княжества разгорелся огромный пожар, в котором не только сгорели все деревянные здания, но и обрушились многие каменные церкви, в нескольких местах не устояли даже огромные стены Кремля. К счастью, из горящего города великокняжескую семью успели вывезти в Ростов. Но этот огненный, ежеминутно грозивший ужасной смертью ад, через который пришлось пройти, – рушащиеся постройки, погибающие люди, крики боли и ужаса, нестерпимый жар, столбы пламени, поднимающиеся со всех сторон, мириады летящих искр, – стал для пятилетнего Иоанна первым жизненным испытанием. А потом в его жизни все оказалось еще более страшно...

Пока великий князь находился в плену, опустевший московский престол попытался самочинно занять князь Дмитрий Шемяка. И хотя это ему не удалось, потому как вскоре Василия II из плена выкупили, планов своих коварный самозванный правитель не оставил, и сам, выждав удобный момент, обманом похитил великого князя, поехавшего с сыновьями на богомолье в Троице-Сергиеву лавру. Мало того, он еще и злодейски ослепил захваченного им Василия, отчего и пошло прозвище Темный – Слепой. Шемяка так возрадовался тому, что сумел обмануть великого князя и занять его престол, что даже забыл про сыновей своего соперника – Иоанна и его младшего брата Юрия, которых сторонники свергнутого великого князя успели увести в город Муром.

И вот тут вдруг шестилетний княжич Иоанн в одночасье превратился в народного героя. Вокруг него, как сына законного государя, стали собираться все русские люди, недовольные новым правителем. В юном княжиче они видели не несмышленного шестилетнего мальчика, но наследника великокняжеского престола, будущего правителя Великого Московского княжества. А значит, своим поведением Иоанн Васильевич должен был соответствовать этой важной роли. Так закончилось его детство, едва успевшее начаться.

Вскоре коварный князь Шемяка понял, какую ошибку он допустил, оставив княжичей на свободе. Иоанн был схвачен людьми нового правителя и привезен к находившемуся в ссылке

отцу, но пламя народного гнева, которое удалось ему поддержать одним своим именем, уже горело сильно и неугасимо. В Московском княжестве поднимался народ, и в феврале 1447 года сторонники Василия Темного изгнали прочь из Москвы Шемяку и его сторонников.

Во главе полков, входивших в город, ехали рядом на добрых конях, стремя в стремя, отец и сын – великий князь Василий Васильевич и княжич Иван Васильевич. А всего лишь год спустя Иоанн сам стал прозываться великим князем, соправителем при своем слепом отце. Тогда ему было всего лишь восемь лет. Но в том же году он уже находился в городе Владимире, во главе полков, которые защищали южные рубежи Московского княжества от монголо-татарских набегов, а в возрасте 12 лет, в 1452 году, возглавил поход на город Устюг – против все того же Шемяки, чтобы добить остатки его войск. Мятежные полки были разбиты, но сам злоумышленный князь бежал и через год умер в Великом Новгороде.

Иоанн III Васильевич, как называют его в истории, сменил своего отца на престоле в 1462 году. Про его жизнь и правление можно рассказать очень и очень много. Ведь он окончательно сверг монголотатарское иго, присоединил к Великому княжеству Московскому Великий Новгород, Тверь и часть непокорного Рязанского княжества. А главное – он первым венчался на царство, центром которого стала возрожденная после пожара и всех набегов и смут Москва, и первым среди правителей вошел в историю как Иоанн III, государь всея Руси, а также Иоанн Великий.

Часть 2

Имперская Россия

В боях за Отечество

«Кто первым поднимется на вал...» (Князь Василий Долгоруков-Крымский)

Есть такая старинная поговорка: «от сумы да от тюрьмы не зарекайся», предупреждающая, что жизнь переменчива и человек всегда должен быть готов к превратностям судьбы, к любым ударам и несчастьям. Впрочем, есть и такая присказка: «после дождичка – ведро», означающая, что ненастье обязательно сменится хорошей погодой, именуемой этим старинным словом «ведро». А если так, то и в несчастье человек должен не терять надежды, не унывать и надеяться на лучшее.

Василий принадлежал к одному из древних, блистательных, богатых и самых влиятельных в начале XVIII столетия российских родов – князей Долгоруковых. В то время почти все дворянские юноши избирали для себя военную карьеру – самый почетный путь служения Отечеству, и юный князь не был тому исключением. Тринадцати лет от роду он был записан в драгунский полк, почти сразу произведен в чин капрала, а затем – вахмистра и вскоре уже должен был стать офицером. Но все вдруг резко переменялось после вступления на русский престол императрицы Анны Иоанновны. Фавориты предыдущего царствования князья Долгоруковы и Голицыны здорово пострадали: одни казнены, другие сосланы в Сибирь... 14-летний Василий был отдан в солдаты «без выслуги», что означало пожизненную службу без права производства в офицерский чин. Если учесть, что Русская армия воевала тогда очень много, а смертность среди солдат была весьма высока, такое наказание можно было считать просто отсроченной смертной казнью.

Но все, однако, сложилось совершенно по-другому.

В ту пору большую опасность для России представлял Крым: своими набегами крымские татары, подданные турецкого султана, с пугающей регулярностью опустошали Малороссию, теперешнюю Украину, южные земли империи. Чтобы утихомирить разбойников, в апреле 1736 года в поход на Крым отправилась армия фельдмаршала графа Христофора Антоновича Миниха: 58 тысяч человек – по 17 пехотных и драгунских полков и 12 тысяч казаков. Одним из этих многих тысяч, неся за плечами тяжелое кремневое ружье, все свое скудное имущество и многодневный запас сухарей, был рядовой пехотного полка 14-летний Василий Долгоруков, который тянул солдатскую лямку наравне со всеми.

Войска шли по безводной степи, под лучами солнца, которое в южных краях в мае светит уже достаточно ярко и жарко и к середине дня здорово нагревает все вокруг. Солдаты падали от усталости и жары, кого-то потом везли на телегах, кто-то умирал – вся дорога по сторонам была отмечена безымянными могилами, но войска шли и шли. Останавливаясь, разбивали палатки и делали шалаши, сами варили кашу, а по ночам несли сторожевую службу, охраняя лагерь от внезапного нападения. И так было изо дня в день...

Шли они целый месяц, а во второй половине мая достигли «крымских ворот» – Перекопского перешейка, соединяющего полуостров с материком. Здесь с незапамятных времен греческих колоний были возведены укрепления, оборонявшие вход в Крым. Русские солдаты ахнули, увидев растянувшийся на одиннадцать километров земляной «турецкий вал», пятна-

дцатиметровый по высоте, усиленный семью каменными башнями и крепостью Ор-Капи. А перед этим валом был вырыт ров в тридцать метров глубиной.

Взять такие укрепления было немыслимо, но и отступать нельзя, поскольку смерти подобно: орды крымских татар, поддержанные степными разбойниками, обязательно ударили бы в тыл отходящей, а потому потерявшей уверенность армии. К тому же был приказ: взять крепость! Так что вариантов, кроме как идти вперед, не было.

На совещании перед штурмом фельдмаршал Миних сказал генералам:

– Передайте солдатам – любой, кто первым поднимется на вал, получит офицерский чин! Даю слово!

Была в Русской армии такая традиция, когда отличившиеся солдаты – даже недавние крепостные крестьяне, – получали в награду офицерский чин, а с ним вместе и дворянское достоинство. Таким образом, служба в армии открыла жизненный путь многим смелым и толковым людям.

Утром 21 мая 1736 года начался штурм крепости. Его можно описывать долго и красочно: то, как под грохот барабанов пошли на штурм колонны солдат, встреченные губительным огнем с крепостных валов. По ним стреляли тысячи ружей, сотни артиллерийских орудий буквально в упор били ядрами и картечью. Но, пройдя смертельные сотни метров до рва, пехотинцы стали забрасывать глубочайший ров фашинами – вязанками хвороста, привезенными с собой, потому как в степи в качестве топлива или строительного материала дорога любая дровяшка; потом, перейдя под огнем по этому ненадежному, пружинящему под ногами настилу и по телам своих товарищей, только что здесь погибших, солдаты приставляли к стенам длинные штурмовые лестницы и карабкались по ним, а сверху на головы атакующих сыпались пули, летели камни, выливался из котлов крутой кипяток; убитые и раненые бойцы сотнями падали со стен. Вокруг все горело, небо и землю закрывал густой пороховой дым от тысяч выстрелов, отчего очень трудно было дышать, и, кажется, не было возможности выйти живым из этого ада...

Но все же, отбивая штыковые и сабельные удары обороняющихся, русские воины смогли зацепиться за верхушки крепостных валов, подняться на них. Один, другой, десятый. Вот уже все валы заняты людьми в зеленых, перекрещенных белыми ремнями мундирах – и теперь уже татары летят вниз, на сторону Крыма.

Но кто же был тем самым первым героем? Какой-то совсем еще юный, невысокий и худенький солдатик.

Сразу же после штурма один из генералов, его приметивший, – а генералы и офицеры также поднимались на вал вместе со штурмующими солдатами, – взял этого молодца за руку и привел к фельдмаршалу:

– Ваше сиятельство, вот он, первый!

– Как тебя зовут, братец? – спросил граф (обращение «братец» у командиров к солдатам в Русской армии было традиционным).

– Василий, Михайлов сын, князь Долгоруков! – отрапортовал солдатик.

Граф замер. «Михайлов сын» – это означало Михайлович. А вот что князь Долгоруков... Знал фельдмаршал про указ Анны Иоанновны, грозной императрицы, что тех князей Долгоруковых, которых отдали в солдаты, производить в офицерские чины нельзя. Нарушить повеление государыни – опасно, однако не сдержат обещание, данное собственной армии, – позорно. Да и понимал фельдмаршал, что «победителей не судят». Перекоп взят, и для государыни это гораздо значимее, чем судьба какого-то мальчишки из опального рода Долгоруковых. Да и надежда есть, что сей храбрый отрок будет верно и достойно служить российскому престолу.

– Поздравляю тебя прапорщиком! – сказал фельдмаршал, троекратно расцеловав юного героя.

Вот ведь как капризна порой бывает судьба: оказавшись в опале со всей своей родней, князь Василий Долгоруков получил офицерский чин гораздо раньше, нежели бы это было по его записи в полк.

А впереди князя ждала долгая и славная воинская биография. В 25 лет он уже командовал полком; он отличился в боях Семилетней войны 1756–1763 годов с Пруссией, во многих других военных кампаниях, на которые было столь щедрым то далекое «осмнадцатое» столетие. Но самое главное, что в 1771 году армия под его командованием – теперь уже генерал-аншефа князя Василия Михайловича Долгорукова, – пройдя через столь знакомый ему с детства Перекоп, заняла Крым, окончательно присоединив его к России.

За эту замечательную победу к фамилии князя был присоединен почетный титул «Крымский». Мог ли мечтать о такой чести 14-летний солдатик, карабкавшийся на «турецкий вал» 21 мая 1736 года, в надежде получить первое офицерское звание?..

«Молодость не мешает быть храбрым» (Никита Лунин)

Сражение при Аустерлице 20 ноября 1805 года... Более столетия – с кровавого поражения новорожденной петровской армии под Нарвой 19 ноября 1700 года – не знало русское войско таких серьезных неудач. И вообще, весь XVIII век представляется для Российской армии чередой славных побед. Так что на новую войну смотрели чуть ли не как на увеселительную прогулку. Главное командование объединенными русскими и австрийскими войсками молодой император Александр I передал союзникам-австрийцам. Они-то и придумали бездарный план боя, рассчитанный на то, что французы, буквально не сходя с места, будут ждать атак объединенных войск, и все завершится парадом победителей близ аустерлицкого поля. Да только французами командовал император Наполеон – великий полководец, а потому все получилось иначе. Не ожидая, пока на него нападут, он начал сражение сам.

В то время отряд русской гвардии, всего за несколько дней до этого подошедший из Санкт-Петербурга, находился в резерве, вдаль от поля битвы, и готовился к торжественной встрече победителей. В числе прочих в отряд этот входил Кавалергардский полк – самый лучший в гвардейской кавалерии. Кавалергарды очень переживали, что им не придется участвовать в бою. Особенно досадовал 16-летний корнет Никита Лунин, самый молодой из офицеров полка – офицерский чин ему, как и его старшему брату Михаилу, а также еще нескольким полковым юнкерам, то есть унтер-офицерам, проходившим в полку обучение, император присвоил лишь месяц назад, уже во время похода. Ах, как же хотелось отличиться в бою, повести в атаку свой взвод и быть награжденным орденом за воинский подвиг! И вот теперь кавалергарды прислушивались к отзвукам далекого боя, представляя себе, как объединенные силы союзников побеждают французов, а они остаются не у дел.

– Знаешь, Мишель, – сказал вдруг Никита брату. – Иногда мне хочется все оставить и уйти в монастырь, чтобы закончить там свои дни... Почему это?

– Брось! – махнул рукой Михаил, который считался в полку самым лихим из всех молодых офицеров. – Просто ты досадуешь, что участвовать в бою не будешь. Вот и приходят в голову всякие нелепые мысли.

Закончить разговор они не успели – со стороны Аустерлица появился офицер, сообщивший, что гвардейцев требует к себе командир их отряда цесаревич Константин. Обогнав другие полки, кавалергарды первыми прискакали к плотине через Раузницкий ручей, близ которой их ждал великий князь.

– Выручайте пехоту! – только и крикнул Константин, махнув рукой в сторону поля боя.

Проскакав через плотину, кавалергарды выехали на берег, и перед ними открылась картина сражения. Французы со всех сторон теснили наши отступающие войска. В центре поля,

окутанные клубами порохового дыма от непрерывных ружейных залпов, полки гвардейской пехоты отбивались от вражеской кавалерии. Разделившись поэскадронно, Кавалергардский полк бросился на помощь лейб-гвардии Преображенскому и Семеновскому полкам, гвардейской пешей артиллерии, отвлекая на себя конные массы французов...

В этом бою Кавалергардский полк потерял почти половину своего состава, но столь дорогой ценой он дал возможность отойти гвардейской пехоте, сохранив свои знамена. Были спасены и все орудия.

В числе погибших оказался и юный Никита Лунин. Он отважно повел свой взвод в атаку на французские пушки и был смертельно ранен картечью в грудь. Истекающего кровью офицера принесли в находящийся неподалеку монастырь братьев-миноритов.

– Видишь, Мишель. – с трудом улыбнулся Никита. – Я же тебе говорил. так оно и получилось.

Уже много лет спустя, в далекой сибирской ссылке, декабрист Михаил Сергеевич Лунин вспоминал о своем младшем брате: «Он умер, словно младенец, засыпающий на груди матери.»

А тогда, после Аустерлицкого сражения, многие раненые русские офицеры, в том числе и кавалергарды, были взяты в плен и оказались во французском госпитале. Одного из них, графа Павла Сухтелена, который был всего на год старше Никиты Лунина, увидел Наполеон. Поглядев на юного офицера, император Франции высокомерно заметил своим маршалам:

– Он слишком молодым задумал тягаться с нами...

– Молодость не мешает быть храбрым, – на прекрасном французском языке ответил русский офицер.

– Хороший ответ, молодой человек. Вы далеко пойдете, – одобрительно сказал Наполеон.

Император был прав – уже через девять лет, в 1814 году, за взятие французского города Суассона граф Павел Сухтелен получил генеральские эполеты. Месяц спустя, 19 марта, Русская армия вошла в Париж – столицу Франции.

«Я и мои сыновья покажем вам путь!» (Николай Раевский-младший)

Когда Николенька вырос, его стали называть Николай Николаевич Младший, потому как Николаем Николаевичем Старшим был его отец – генерал от кавалерии Раевский, прославленный герой турецких войн, Отечественной войны 1812 года и многих других боевых кампаний. Как и большинство дворянских детей, он с самого раннего детства был записан в полк и считался находящимся «в отпуску для обучения наукам». Так, ни дня не прослужив в строю, к началу Отечественной войны Николенька уже был прапорщиком – это младший офицерский чин – Орловского пехотного полка, входившего в состав 7-го пехотного корпуса, которым командовал его отец. Между тем юному офицеру было всего только десять лет, потому как родился он осенью 1801 года.

Когда весной 1812 года Русская армия стала сосредотачиваться у западных границ империи, Николай Николаевич Старший отправился в город Вильно, взяв с собой Николеньку и Александра, старшего своего сына, тоже офицера – 16-ти лет от роду.

«Мы долго молча отступали...» – писал Михаил Юрьевич Лермонтов про начало Отечественной войны, но был не совсем прав. Русская армия отходила с боями, задерживая наступающие войска Наполеона и нанося им чувствительные потери. 11 июля произошел бой у деревни Салтановка, где полки 7-го корпуса остановили атаку авангарда маршала Даву. Ключом к позиции стала плотина, перегородившая текущий по дну оврага ручей. Она несколько раз переходила из рук в руки, но дальше плотины французы пройти не могли.

И вот, в самый трудный момент боя, когда, казалось, еще усилие – и противник сумеет прорвать порядки Смоленского пехотного полка, генерал Раевский вышел перед рядами его батальонов, осыпаемых пулями и картечью, окутанных пороховым дымом.

– Вперед, ребята! – сказал Николай Николаевич. – Я и мои сыновья покажем вам путь!

«Ребятами» командиры называли своих солдат, когда к ним обращались. Один солдат – братец, несколько – ребята. Была такая традиция.

На мгновение солдаты замерли. Они увидели, что рядом с генералом стоит его 16-летний сын Александр, а младшего, 10-летнего Николая, Раевский держит левой рукой за руку, в правой сжимая шпагу. Мальчишки-офицеры были спокойны – кажется, им передалось мужество отца.

«Ура!» – заревели смоленцы и, склонив штыки, устремились на врага.

Раевский и его сыновья также шли вперед. По пути Александр подхватил и понес батальонное знамя, которое уронил убитый знаменщик. Французы не выдержали дружного штыкового удара и отступили. Наступление врага было остановлено.

Этот эпизод стал одним из самых ярких в истории Отечественной войны. Его не раз описывали в своих стихах поэты, художники изображали на картинах. Правда, генерал Николай Николаевич Раевский-старший говорил потом, что все это придумано, что в том бою из-за тесноты мало кто смог бы увидеть его сыновей. Однако никто ему не верил – все знали, что этого славного генерала отличала не только блистательная храбрость, но и удивительная скромность. Но как бы там ни было, за этот бой Николенька был произведен в следующий чин – подпоручика, ему тогда уже исполнилось 11 лет.

Всю войну, с 1812 по 1814 год, сыновья сопровождали своего знаменитого отца, участвовали во многих сражениях. За отличие в сражении при взятии Парижа младший сын генерала был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом – почетнейшей боевой наградой.

По-разному сложились потом судьбы сыновей генерала Раевского. Старший, Александр, быстро дослужившись до чина полковника, вышел в отставку. А младший, Николай, всю свою недолгую жизнь посвятил военной службе. Он воевал на Кавказе, усмиряя мятежные племена, был награжден многими орденами, получил чин генерал-лейтенанта и умер в 42 года.

Подвиг милосердия (Мальчишки из села Аксиньино)

Стояла поздняя осень памятного для России 1812 года. Совсем недавно по русским землям дважды прошли многотысячные войска Великой армии императора Наполеона. Этот ценный полководец некогда заявил: «Война сама себя кормит», – и армия его, подобно полчищам саранчи, поедала и уничтожала все на своем пути.

Общая участь постигла и большое село Аксиньино, что было в Рославльском уезде Смоленской губернии. Впрочем, большим оно являлось раньше, а теперь осталось от него десятка полтора хат, да и те такие, что смотреть жалко: солому с крыш отступающий неприятель скормил своим голодным лошадям, все двери и ворота были сорваны и, равно как и плетни и заборы, сожжены в кострах. Поодаль сиротливо стояла церковь, в которой также похозяйничали французы – все дома, которые были вокруг, сгорели.

Народу в селе, конечно, тоже поубавилось. Из мужиков кто-то ушел в ополчение, кто-то подался в партизаны. В то время пока французы тут проходили, бабы, старики да ребятишки, от греха и опасности подальше, спасались по окрестным селам да лесам, но все равно тогда от голода и болезней немало народу полегло, а некоторых и враги поубивали.

Однако когда французы прошли обратной дорогой, спеша убраться из России восвояси, жизнь в Аксиньино стала помаленьку налаживаться, сельчане возвращались на родное пепе-

лице. Строиться заново народ пока еще не начал, так что в избах размещалось по две-три семьи, в жилые помещения превращали сараи, овины и прочие уцелевшие постройки.

В один из дней ребятишек из села послали в лес нарубить хворосту. Это раньше можно было в одиночку по дрова ходить, а теперь – только гуртом, потому как мало ли кого в лесу встретишь. Хотя была еще осень, но снег уже лежал, так что ребята – им было от двенадцати до четырнадцати лет, и только Корнею, самому старшему, пятнадцать – взяли салазки, вооружились топорами и отправились за околицу. Разговор, конечно, был о французах: рассказывали, что некоторые из них еще бродили по лесам... Конечно, как часто бывает, ребята хвастали напропалую, живописуя друг другу свои грядущие подвиги.

– Да я, когда этого самого француза встречу, – рассуждал самый младший, Ермошка, – сразу подскочу, и его штыком – раз! А что, я умею! Помните, когда тут наши проходили, мне солдат показывал, как штыком колоть надо. И я его, француза этого, тогда вот так штыком – раз!

– А у тебя штык-то есть? – спросил Корней, и все ребята засмеялись, потому как никакого штыка у Ермошки отродясь не бывало.

– Не, ребята, когда француза встретим, его топором надо! – продолжил разговор Корней, когда затих смех. – Или дубиной по голове, чтобы топор басурманской кровью не поганить.

Так шли они по лесной тропинке, рассуждая о своих грядущих подвигах и хвастаясь небывалой собственной храбростью, как вдруг из-за деревьев появился человек в оборванной синей шинели с красными эполетами на плечах, в высокой медвежьей шапке и с винтовкой в руках. Был он немолод, выглядел очень худым и измученным. Увидев ребят, он остановился.

– Француз! – ахнул кто-то, и все остановились.

– Ух ты!

– Француз, взаправдашний!

– Ну, давай, – плечом подтолкнул Корней Ермошку. – Как ты его хотел?

– У меня штыка нет, – буркнул тот в ответ. – Сам давай, вон топор у тебя...

Страх не было. Были растерянность и какое-то смущение: вид этого смертельно уставшего, измученного человека неожиданно вызвал в ребячьих сердцах дотоле незнакомые им чувства жалости и сострадания. Будь на его месте какой-нибудь здоровый молодец, ребята явно бы не струсили и воспользовались своим численным преимуществом, но в этом несчастном, поверженном неприятеле они уже не могли увидеть врага. А тот вдруг закашлялся, прижимая ладонь к груди, и на глазах у него появились слезы.

Медленно, готовые в любую секунду броситься прочь, мальчишки стали подходить к незнакомцу, который стоял спокойно, не выказывая ни страха, ни враждебности. Свою винтовку с примкнутым штыком он поставил прикладом на землю и опирался на нее.

– Ну что, мусью? – наконец окликнул его Корней как самый старший и самый смелый.

Впрочем, о чем спрашивать, он не знал. Француз попытался улыбнуться и сделал движение, словно бы что-то положил себе в рот, и ребята сразу поняли, что он имеет в виду.

– Кушать хочешь?

– Хлеба?

– Oui, oui!¹ Клеба! – забормотал француз.

Хлеба у ребят с собой не было.

– Что делать с ним будем? Помрет ведь!

– Ну да, жалко. Человек ведь... Хотя и француз...

– А как народ к тому отнесется? Враг ведь.

– Враг – это когда в бою! А этот старенький и беспомощный.

¹ Да, да! (франц.)

– Ну, вот что, мужик, – обращаясь к незнакомцу, решительно сказал Корней. – Отдавай ружье, и айда с нами!

Француз ничего не понял, однако, когда мальчишки брали у него ружье и патронную сумку, не сопротивлялся. Он сделал несколько шагов, но движения были так тяжелы и неуверенны, что ребята подставили ему салазки и жестаи показали, чтобы сел.

Какой же был для мальчишек триумф, когда они, радостно крича и бегом, втащили в родное Аксиньино салазки с пленным. По пути решили, что отвезут басурмана в церковь, к отцу Варсонофию, который был в селе самый умный и знающий, – и тот во всем разберется.

Хотя старенький сельский священник и не знал французского языка, но как-то понял, что пленника зовут Теодор Ренан, он гренадер Старой императорской гвардии. На мундире гренадера красовался крест Почетного легиона – высокая награда Французской империи.

Пленника пригнали в церкви, накормили, и он довольно быстро прижился в селе. Когда же он научился немножко говорить по-русски, то объяснил, что во Франции у него никого нет и возвращаться ему туда, наверное, незачем. Дядя Федор, как начали звать пленного мальчишки, оказался умелым механиком, который охотно брался за любую работу: он и водяную мельницу для всего села построил, и ребятам удивительные игрушки делал. На селе его стали уважительно звать Федором Степановичем – почему Степановичем, никто и не знал. Ну, так повелось. Одно только плохо было: кашлял француз довольно часто, и грудь у него болела – наверное, застудил, когда бродил по лесам, отступая из Москвы, куда завел его Наполеон.

Лет пять прожил Федор Степанович – французский гренадер Теодор Ренан в селе Аксиньино, а потом тихо скончался от своей грудной болезни. Незадолго до смерти отец Варсофоний окрестил его по православному обряду.

Когда француз умер, по нему плакало все село, включая старенького священника, который искренне с ним подружился. Но больше всех, слез не скрывая, плакали те самые молодые парни, которые осенью грозного 1812 года, будучи совсем еще юными мальчишками, совершили очень непростой, но такой важный подвиг милосердия.

Дети осажденного Севастополя

Восточная война 1853–1856 годов у нас чаще называется Крымской, хотя боевые действия происходили тогда не только в Крыму, но и на территории Дунайских княжеств, и на Кавказе, и на Балтике, и даже на Камчатке... Но все же основные события разворачивались в Крыму.

20 сентября 1854 года произошло сражение русских с войсками англичан и французов на реке Альме, 13 октября – при Балаклаве, 24 октября – при Инкермане... Раненых оттуда везли в севастопольские госпитали и лазареты, сюда же каждый день привозили сотни и тысячи солдат, матросов

и офицеров, раненых на бастионах, жителей города, пострадавших при артиллерийских обстрелах. Медиков, сиделок и санитаров катастрофически не хватало, а потому в госпитали сразу же стали приходить женщины и юные жители Севастополя. Кого-то из ребят привозили матери, прочие приходили сами. У одних среди раненых были родственники, у других – никого, но каждый старался сделать все возможное, чтобы облегчить страдания воинов. Дети приносили из своих домов посуду, кухонную утварь и одежду, щипали корпию – раздиргивали ткань на нитки, употреблявшие вместо ваты, убирали коридоры и палаты, дежурили у больничных коек, подавая питье и еду. Кое-кто даже ассистировал при хирургических операциях, для чего нужно было иметь очень крепкие нервы: израненные конечности ампутировали без наркоза...

Исторические хроники сохранили имена юных сыновей прапорщика Толузакова – Венедикта и Николая, 6-летней Марии Четкиной, двух ее братьев – 12-летнего Силантия и 15-

летнего Захария и сестры – 17-летней Хавроньи, дочери поручика 15-летней Дарьи Шестоперовой и многих других юных героев, награжденных впоследствии медалями «За усердие».

Еще севастопольские ребята собирали неприятельские ядра, пули и даже неразорвавшиеся бомбы, которые потом возвращались врагу, выпущенные уже из наших пушек и ружей. Понятно, что собирать это добро приходилось не на свалке, а там, где стреляли, где было смертельно опасно.

Дети офицеров, солдат и матросов, не обращая внимания на артиллерийский огонь, приходили к отцам на бастионы, принося им воду, провиант, чистое белье. Немало ребят так и оставались со своими отцами на батареях и бастионах Севастополя – тем более что дома у многих были разрушены и сгорели, – сами непосредственно участвовали в боях. Например, 14-летний Василий Даценко, получивший ранение осколком уже в конце обороны, 23 августа 1855 года; 14-летний Кузьма Горбанев – он был ранен 2 апреля, но после перевязки вернулся на родной бастион; 12-летний Максим Рыбальченко, исполнявший обязанности номера орудия – члена орудийного расчета на Камчатском люнете; матросские сыновья Иван Рипицын, Дмитрий Бобер, Дмитрий Фарсюк и Алексей Новиков... Многие из таких ребят были награждены Георгиевскими крестами и медалями «За храбрость».

Но не всем этим героическим ребятам довелось дожить до конца войны. В числе погибших – Антон Гуменко, сын матроса 33-го флотского экипажа, сыновья матроса 41-го флотского экипажа Захар и Яков – фамилия их неизвестна. 29 марта 1855 года при обстреле 5-го бастиона погиб 15-летний Деонисий Толузаков, старший из братьев, сыновей прапорщика, похороненный на Воинском кладбище на Северной стороне Севастополя...

Так исключительные обстоятельства превращали детей в героев.

Сын комендора (Коля Пищенко)

Матрос 2-й статьи 37-го флотского экипажа Тимофей Пищенко был комендором, флотским артиллеристом, на батарее, расположенной на 4-м бастионе, считавшемся чуть ли не самым опасным местом в осажденном Севастополе. Бывало так, что в течение суток на этот бастион непрерывно падало более двух тысяч вражеских снарядов! С 5 октября 1854 года, когда начались артиллерийские бомбардировки города, Тимофей поселился там, потому что на выстрелы мортир и пушек врага нужно было сразу же отвечать огнем из всех российских орудий и быть в постоянной готовности отразить очередной штурм неприятельских войск.

Вместе с отцом на батарее поселился и его десятилетний сын Коля, так как мать его давно уже умерла, и он жил с отцом при казарме флотского экипажа. Но ведь орудийная батарея – не летняя дача, там просто так жить и прохлаждаться нельзя, хотя бы потому что человек, не знающий куда себя деть и чем заняться во время обстрела, может просто умереть со страху. Да и количество народу на батарее уменьшалось довольно быстро: кого-то ранили, кого-то убили – и ведь каждый день, и помногу человек, а пополнения приходили небольшие... Поэтому с того же самого первого дня для Николки Пищенко были определены совершенно взрослые занятия: «банить» орудие – то есть брать «банник», здоровенную круглую щетку из конского волоса на длинной оглобле, и после каждого выстрела прочищать ствол орудия от порохового нагара, – а затем подавать «картузы» с порохом. Настоящим праздником для юного артиллериста было, когда отец разрешал ему поднести пальник к затравочному отверстию пушки – выстрелить.

Стоя в стороне от орудия, мальчик прижимал к затравке тлеющий фитиль, порох вспыхивал, а потом пушка оглушительно рывкала, выбрасывая в сторону врагов огромное чугунное ядро, которое с низким гулом улетало куда-то далеко-далеко и там безошибочно поражало цель, а само тело орудия, окутанное клубами дыма, отскакивало назад вместе со своим боль-

шим деревянным корабельным лафетом. Тут же на него наваливались комендоры, накатывали орудие на прежнее место, и нужно было снова «банить» ствол...

Пять месяцев воевал на батарее комендор Тимофей Пищенко, но в какой-то черный день он был насмерть сражен прилетевшим с той стороны ядром. Так Николка остался сиротой. Но мальчишку, который сам был уже опытным, обстрелянным комендором, не бросили, хотя командир сразу распорядился перевести его на другую, менее опасную батарею, поближе к городу. Хотя где в осажденном Севастополе было безопасно? Бомбы и гранаты с кораблей союзников падали и взрывались на любой улице или площади, да и атаки врагов можно было ждать буквально на любом участке обороны.

Смышленный и бойкий мальчуган сразу пришелся по душе и командиру, и своим новым товарищам-матросам. К тому же тут для него нашлось важное дело: на батарее оказалось девять маленьких мортирок – «маркел», как называли моряки эти орудия, – снятых с какого-то небольшого корабля. Тогда, чтобы преградить путь пароходам противника в гавань осажденного города, на севастопольском рейде были затоплены многие корабли эскадры, и верхушки их мачт возвышались над водой, подобно частоколу. Артиллерийские орудия с кораблей, разумеется, снимали. Наставником Пищенко выступил один старый матрос, и Коля быстро наловчился отправлять мортирные гранаты в самую гущу наступающих на город врагов, рассчитывая траекторию полета снаряда. Впрочем, это было не так уж сложно: он твердо знал, что если солдаты противника добежали до корявого сухого дерева, нужно положить в ствол столько-то пороха, а если до плетня – в два раза меньше... Приходилось ему участвовать даже в рукопашных схватках, когда французы слишком близко подходили к батарее, и комендоры, похватав у кого что было – кто ружье, кто тесак, а кто и банник, – бросались им навстречу. Когда же в какой-нибудь особенно опасный момент командир пытался отправить юного героя с батареи, он заявлял вполне по-взрослому: «Маркелами заведу, при них и умру!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.